

Иосиф Гальперин

**КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ПРИСЕВЯЧИВАНИЯ**

- Не только о Болгарии -

- Скифия -

Иосиф Гальперин

**Краткая история присебачивания.
Не только о Болгарии**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2018

УДК 82-3
ББК 84-4

Гальперин И.

Краткая история присебачивания. Не только о Болгарии /
И. Гальперин — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2018

ISBN 978-5-44-900832-9

Книга о том, как всё – от живого существа до государства – приспособляется к действительности и как эту действительность меняет. Автор показывает это на собственном примере, рассказывая об ощущениях россиянина в Болгарии. Книга получила премию на конкурсе Международного союза писателей имени Святых Кирилла и Мефодия «Славянское слово – 2017». Автор награжден медалью имени патриарха болгарской литературы Ивана Вазова.

УДК 82-3

ББК 84-4

ISBN 978-5-44-900832-9

© Гальперин И., 2018
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2018

Содержание

Ремень	6
Драма «Кошки»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Иосиф Гальперин

Краткая история присебачивания. Не только о Болгарии

© Гальперин И., 2018

© Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2018

* * *

Ремень

Где-то здесь должна быть улочка ремесленников, там не только магазины, продавцы, но и мастерские, художники. Сейчас спросим... А вот, она! Пошли, что покажу.

Иван всё покажет! Каждую пушку на Шипке он мог разобрать, смазать, собрать и пустить в дело, каждого ополченца понять и каждого генерала оценить. В Казанлыке в витрине музея стояли пробирки с порохом, гордость тамошнего «Арсенала». Иван слегка улыбнулся: чья работа! И повел в другой зал, показывать копию бронзовой головы фракийского царя, разбившегося войска сатрапа Александра Македонского, попутно напоминая историю раскопанного недалеко кургана, откуда и голова. В Софии в Археологическом музее оригинал (конечно, забрали из провинции...) называют, из робости ли, из вредности «голова мужчины», но Иван-то вслед за археологами и краеведами уверен: Севт III. Посмотрите сами – такого царственного лица и в Риме не найдете...

А здесь, в Велико-Тырново, бывшей столице средневекового болгарского царства, Иван начал рассказ со свидетельств довольно позднего времени, ведь улица Самоводска чаршия расцвела после освобождения от турок в позапрошлом веке. Но жива до сих пор, действует, плодоносит.

...Ну вот к чему эти, может быть, ничего не говорящие посторонним, подробности? Просто хочется закрепить в памяти тот день, последний с Иваном. Кто-нибудь еще, кроме нас, его вдруг запомнит, прочитав, – продлится день. Продлится Иван. Иван-мастер повел нас туда, где работа головы и умеющих рук наглядно видна.

Русская жена его Лена, благодаря которой мы с Верой оказались в дальних родственниках Ивана, поход корректировала. Она тоже из мастеров-химиков, только не по пороку, а по розам и продуктам из них. Конечно, они с Верой останавливались у керамики и плетений, у лавочки художника с типично болгарской фамилией Иванов. Оглянулись на окно, за которым огромная полусфера, вращаясь, вытягивала из массива теста и наматывала на себя нескончаемую нить тонкой лапши, ее здесь едят на десерт с ягодными или другими сладкими добавками. А мы с Иваном шли дальше, от памятника Стефану Стамболову, премьеру конца позапрошлого века, убитому пророссийским террористом, мимо лавочки с глиняными котами – у тырновских хвосты традиционно задраны, тогда как в соседнем Габрово, по юмористической суровой традиции, предпочитают хвосты обрубать в память об анекдоте про экономных хозяев, жалеющих выпускать тепло из дома из-за важного шестивия кота через порог. Иван вспомнил, что где-то в конце улицы есть кожевенная мануфактура.

Он возвышался над толпой. Даже над джипами на обочине. В Болгарии многие мужчины солидны, значительны и красивы, но не у многих, естественно, два метра в высоту и, как кажется, полтора – в плечах. В отличие от большинства больших людей, Иван не «тормозил», ходил и думал быстро. И, как положено, терпеливо сносил корректировки Лены, которая могла пройти у него под рукой, как в арку. Как под крылом. Хотя птичку напоминала как раз она, а он, скорее, – могучее дерево. Которое держит гнездо.

Ну вот и мануфактура. Точнее, маленький, особенно если Иван заходит, магазинчик с необходимыми для подгонки инструментами. Так и есть: подогнать выбранный Иваном поясной ремень потребовалось. Ну хорошо, через час вернемся и заберем. Правда, сперва я думал, что он интересуется ремешками для часов, он же фанат этого дела. Часового. Разбирает, смотрит, чинит, от советских до антисоветских. И ремешки к ним подбирает, даже Лену заразил. Если она утром не надевает какой-нибудь из его подарков, он сразу начинает думать, чем успел ее огорчить. А если надевает – счастлив. Это как сигнал доверия, как в ребяческой игре: я стобой в твоих причудах, не считаю их пустыми.

...Мартовская смальта теплого болгарского дня, кусочки которой я наново пытаюсь склеить, казалось, не оставляли места ничему дурному, неправильному, уродливому. Может быть, потому что не оставлял этому места Иван, занимая поле зрения и внимания не только фигурой.

Многоугольники смальты. Сидим в кафе с видом на город, на мосты и мостики через реку Янтра, ее название совпадает с 14-конечной древнеиндийской звездой. Рассказываю, что Шри-Янтра уже много тысяч лет влияет на человека, вероятно потому, как считают физиологи, что линии, идущие через центр от концов звезды, образуют сетку многоугольников, резонирующую с колбочками сетчатки человеческого глаза. К тому же они еще и раскрашены в основные цвета, на которые настроена сетчатка: синий, как вот это небо, красный – как черепица, зеленый – как молодые листья. И потому медитация над Шри-Янтрой усиливает состояние индуса, если он пришел расстроенным – может впасть в депрессию, если успокоенным – в нирвану.

Фотографирую Ивана и Лену, они, отдыхая немного от работы и показывая нам то, что им дорого, выглядят счастливыми. Как в нирване. Мы идем дальше. Вот и глянцевые, как глазурь керамики, яркие и разные – от бело-розового до коричневого – конусы бутонов на полуголой магнолии в саду старинной церкви у самого берега Янтры. Прямоугольные плиты здешней царской усыпальницы то и дело заливают наводнения...

3 марта – большой болгарский праздник, день освобождения от турок, получилось сразу несколько выходных. Поэтому Иван и Лена не на работе и смогли принять нас. Еще и поэтому говорили об истории. Когда были на главном тырновском холме – на Царевце, смотрели следы римлян и византийцев, которые построили тут крепость для защиты от болгар. А потом Царевец стал болгарским Кремлем, но главными, как показывал Иван, были в государстве не цари, а патриархи, недаром собор в крепости построен на самой высоте, а царский дворец – пониже.

И сейчас патриархия демонстрирует независимость: собор всем миром отстроили, восстановили дотурецкий, до разрушения, облик, лучшие болгарские художники его расписали в патетическом и суровом стиле, но два года православные ортодоксы не хотели принимать эту живопись. И собор стоял бездействующим, неосвященным. Но мнение простых верующих, общественное мнение болгар оказалось сильнее – начальники в рясах сдались.

За упорством стоял авторитет, ведь и в освободительной борьбе против турок священники были идеологами. Иван рассказывает, что в середине 19-го века именно образованные классы поднимали национальное самосознание, крестьяне и пролетарии не шибко восставали против порядков. Ага, теперь понятно, почему сбоку кафедрального собора напротив Царевца, на другом берегу Янтры, рядом со статуей священника стоит памятник молодому человеку в тужурке, студенту, что ли, с пистолетом в руках. Типа наших народовольцев.

Теодор Лефтеров. Яндекс о нем понятия не имеет, зато нашел Гугл. В большой статье о нем три строки: получил высшее образование в Англии, был успешным торговцем, а стал сельским учителем после проповедей отца Матея Преображенски по прозвищу «Миткалото». Проповедник и привел его к революционерам, поднявшим восстание, отсюда и пистолет. Восстание было подавлено в 1876 году турками, вот и разгадка надписи с датами его короткой жизни: 1852–1876...

– Иван, ты не думаешь, что они были, как и их русские собратья, террористами? Что из-за них турки потом и начали резать болгар?

– Да, процесс был обоюдоострым. Можно, конечно, их назвать террористами. Но помнишь в Казанлыке, в ограде церкви святого Ильи, каменная доска? Там турки после временного отступления русских войск вырезали двести православных. Русское командование предупреждало горожан об опасности, предлагало уходить с войсками, но они не поверили. Как это, три столетия жили вместе – и тут вдруг нас будут резать? Башибузуки, территориальное ополчение – это уж чисто террор, благославляемый государством и прикрываемый национал-патриотизмом, они и резали. Как потом, впервые Мировую, христиан в самой Турции.

Он не просто рассказывает вычитанное и услышанное, он сопоставляет, не прибегая к догмам. За это Ивана и ценят на интернет-форумах, от сайта фанатов часового дела до площадок энтузиастов авиации, вооружений, реконструкции прошлого.

– Ты знаешь, на форуме реконструкторов Гиркин производил вполне адекватное впечатление, – Иван пожимает плечами. – А вот как стал Стрелковым, да как пошел освобождать Крым – с катушек съехал.

Вот какое понятие, русское, не из околонучного уже оборота: подлинность. Она и звучала в словах Ивана. И хотя мы не видели, и не могли – секретно, Ивана в главном его деле, но догадывались, что и в нем он работает с той же страстью и дотошностью. А пороха, как мы знаем, теперь разные бывают. Твердое топливо для ракет – это что, не порох? Наверное, Иван такие смеси и составлял, нам не рассказывал. «Пороха не выдумает» – это не про него. В родном питерском институте, спустя много лет после окончания, он числится одним из двух-трех зарубежных научных экспертов.

Он получается идеальным, без недостатков. Без сомнений. А разве так бывает? С живыми-то людьми?..

– Иван, мы всяко больше часа ходим, пора в твою кожаную лавочку, ремень-то готов, наверное.

– Да нет, мы уже далеко ушли в другую сторону, не пойдем, бог с ним, с ремнем.

– Ну вон же этот угол! А за ним и магазинчик.

Не хотел, но пошли. Вот зачем мне надо было так настаивать, лезть со своими указаниями в чужой быт? Что за привычка! Все доводить до конца: раз сказали, что возьмем, надо вернуться и взять. Может же быть, самое простое, Иван подумал, что тратить лишних 30 левов, то есть – 15 евро, для собственного удовольствия не стоит, еще ремонт дома не закончил. Он и в старом ремне может походить... Нет, конечно, этот вот лучше.

– Иван, а почему такой толстый он? Рядом полегче.

– Я выбрал из буйволиной кожи, а толстый – долго прослужит. На всю жизнь хватит.

...Через полтора месяца по всем каналам сообщили: на «Арсенале» авария, погибли двое, инженер и рабочий. Инженер – Иван. Им не хватило пяти секунд, те, кто в цеху были поодаль, не пострадали. Незадолго перед этим Иван объяснял на форуме, почему он сам ходит проверять действия персонала, хотя это совсем не обязательно: упала квалификация работников, если выполнять задуманное будет один рабочий, у него намного меньше шансов спастись при аварии и намного больше – аварию устроить.

И еще Иван написал, недели за две до гибели, что теперь он понимает строки «Нет, весь я не уйду...», потому что в его постах на форуме он останется в любом случае, все хорошее и все плохое, что было с ним. Доброе и злое...

Плача, я думал, что если можешь хоть чем-то доставить себе чистую радость, пусть на минуту, пусть от созерцания простой вещицы, – нельзя отказываться. Не знаю, о чем думал Иван на следующий день, когда мы уехали. Надеюсь, он надел новый ремень.

А Иван, провожая, жалел, что не свозил нас на развалины древнего города. И говорил, прерывая себя, что мы не в последний раз видимся, что еще достанется рядом с его домом для нас новое, невиданное. Древние фрески на полу, оставшиеся от древних дворцов и вилл. Кусочки смальты, не слишком потускневшие за последние две тысячи лет.

Драма «Кошки»

– Девочки, на прогулку!

И они потянулись за ней, за ворота посмотреть, что это за детскую площадку построила деревенская администрация на европейские деньги. «Девочки» – это с иронией, рожалые бабы, мать и дочь. Пошли, энергично задрав хвосты. Хотя считается, что они легко и быстро забывают родственные связи, Дурында и Лилька общаются, по мнению Светы, в стиле «мать и дитя». Впрочем, может и это – часть Светинога кошачьего мифа. Или шоу. Свето-представления. И не только для себя. Недаром Светин муж говорит, что в селе они теперь – достопримечательность: она разговаривает с кошками, а он, по московской богемной привычке, ночью жжёт свет и во двор выходит часа в три дня...

Шли, переговариваясь, то есть, не мяукая, а как-то бурча, не каждый раз обращаясь к Свете, но уверенные, что она понимает их гибкий язык. Они-то, казалось, понимают всё, что она говорит, даже на отвлечённые темы.

– Ну вот зачем она здесь? Бетон, дерево, пластик. Лучше б просто дороги покрыли. Сколько ребятишек в селе? Раз-два – и обчёлся. Так ведь и напротив церкви есть площадка, подновили бы – и гуляйте. Нет, надо освоить отпущенное, отчитаться!

В начале Дурында не хотела переходить дорогу, после операции она стала толстеть и реже уходит за ограду. Со Светой по поводу площадки не согласились. Внимательно осмотрели все аттракционы и пометили, как листовки приклеили для других кошек: мы здесь были. На всякий случай, вдруг повезет и на этой территории у них будет привилегия.

Котят у Дурынды с Лилькой было намного больше, чем детей в окрестной махалле – так в Болгарии по оставшейся восточной традиции называют компактные кварталы. В России сказали бы – концы деревни. Когда шесть лет назад Света, актриса на пенсии, сюда приехала и начала вживаться в чужую до этого жизнь, ни за что бы не подумала, что станет таким «антрепренёром-главрежем» большой кошачьей труппы. Не то что равнодушна, а и не любила она кошек, пускать в дом – подавно не думала. Пока Дурында пугливо не села на подоконник.

Конечно, когда живое существо тарачится на тебя из-за стекла, отгораживающего недоступную вероятную еду и территорию, оно не выглядит слишком умным. Худая бродячая кошка получила свое ласковое имя, потому что в слове с суффиксами больше оттенков, чем в состоящем из одного корня. Хотя по части стратегии можно было бы и поспорить, кто тут Дурында. Сначала кошка заставила выносить ей корм и ставить воду, затем с ней вступили в доверительные и образовательные беседы – ну не может актриса с темпераментом жены главного режиссера терпеть отстранённого зрителя!

Потом началась эпопея с котятами. Первый помёт перенесли с торжественностью обновления дома, Лилька как раз из него. Создали берлогу из приличных чистых тряпок, освободив уголок мастерской (которая с тех пор превратилась в Кошкин дом). Дурында усвоила преимущества комфорта и беременела с чёткостью минного взрывателя и постоянством народных праздников. Тем более, что папаш, привлечённых регулярно выставяемой едой, хватало. А вот обратные действия пробуксовывали, стратегии освобождения приусадебной территории от нашествия котят не было. Что, топить?!

Надо сказать, что сам-то Главреж (звание теперь, со временем, условно), вопреки наименованию и профессиональным привычкам, не был жестоким и кровожадным. Поэтому для решения проблем стали привлекать окружающих. Они тоже отказались топить. Пока думали, котят становилось все больше, пристроить в доверчивые руки удалось только парочку. Главреж получил новое прозвище – Грауэрман, по имени когда-то лучшего роддома Москвы. Найденное паллиативное решение – развозить подросших котят по окрестностям и подбрасывать их в заброшенные дома – не успевало разгрузить придомное пространство.

...Подобные тупики встречались в отечественной истории и раньше. Вот, к примеру, тоже интеллигентный человек, переводчик Агаты Кристи. Жил у них с мамой кот, украшал четырехкомнатную квартиру в сталинской высотке над метро «Красные ворота». На лестничной площадке элитного дома мама обнаружила еще одного несчастного котенка. Взяли и его. А он, подросши, оказался кошечкой. В общем, к моменту отхода мамы в мир иной их было уже семнадцать. Переводчик не стал противиться памяти матери, только, наконец, отделил котов от кошек, в разных комнатах у него стояли коробки для каждой особи, комнаты надежно закрывал. Но все равно запах проникал на многие этажи до того бывшим элитным дома, отчаявшийся раздать котиков переводчик в унисон фамилии получил прозвище Кошкинази. Многие животные от невозможности реализовать гормоны облысели. А вот интересно, если бы он не перевел «Мышеловку», кто бы у него размножился?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.